

наступление того важного момента в изучении восточнославянского языкового континуума, когда важнейшие явления восточнославянских диалектов можно будет свести воедино и представить на общих лингвистических картах.

Бромай С. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганцов В. Діалектологічна класифікація українських говорів (3 картаю). Київ, 1923.
2. Вопросы теории лингвистической географии. М., 1968.

Дмитренко С. Н. Фонемы русского языка. Их сочетаемость и функциональная нагрузка/Отв. ред. Иванов В. В. М.: Наука, 1985. 232 с.

Монография С. Н. Дмитренко представляет собой первое в советской русистике описание русских фонем одновременно в аспекте их системных отношений, сочетаемости (с учетом отношения к морфемной структуре словоформы) и функциональной нагрузки в фонологических оппозициях. Ширина охвата проблемы характеризует несомненную новизну и актуальность работы; способ решения ряда вопросов, особенно конкретно описательных, во многом определяет ее новаторский характер. Необычна и структура книги: около 50 страниц текста и около 180 страниц списков, таблиц и указателей, составляющих ее основное содержание.

Основу воззрений автора (см. первую главу «Фонемы современного русского литературного языка. Состав и система фонем», с. 7—35) образует часть концепции Р. И. Аванесова [1] — учение о сильных и слабых фонемах (фонемные ряды и морфофонематическая транскрипция не учитываются). Поэтому мнение автора (с. 7), что ее теоретические положения в целом не выходят за рамки традиционной теории МФШ и теории Р. И. Аванесова, представляется странным: ведь морфемный критерий фонемной атрибуции звуков слабых позиций, составляющий сущность теории МФШ, для С. Н. Дмитренко роли не играет. Сопоставление ее фонологической транскрипции, например, слов *ход* (xo/t_2), *бот* (bo/t_2), *вот* (vo/t_2) с фонематической транскрипцией МФШ и морфофонематической транскрипцией Аванесова (xo/d , bo/t , vo/t_2) показывает, что транскрипция автора, отражающая суть ее подхода, не имеет соответствия в теории МФШ.

В модель Р. И. Аванесова автор вносит еще два изменения. 1) Гласные *и*, *у* считаются сильными фонемами во всех позициях (с. 10). (По Аванесову, все безударные гласные являются слабыми фонемами.) 2) В состав фонем русского языка вводятся слабые фонемы (с. 24), и в итоге в нем насчитывается 7 гласных (5 сильных + 2 слабых) и 69 согласных

фонем (37 + 32). Слабые фонемы на одном уровне с сильными все же не стоят, так как выступают их модификациями: $/t_2/$ в *код*, $/a/$ в *сома*, $/a/$ в *сама* являются соответственно модификациями $/d/$, $/o/$, $/a/$; $/a/$ в слове *со-* из *собака* — модификацией одновременно $/o/$ и $/a/$ (с. 11). В то же время $/t_2/$ в *крот* модификацией $/t/$ не является [2, с. 71]. Отметим, что модификациями фонем обычно принято считать аллофоны, варианты фонем, а не сами фонемы.

Фонемы (сильные и слабые) реализуются в вариантах. Слабая фонема $/a/$, например, имеет варианты $[\wedge]$ ($[p \wedge б́ы]$) и $[п^e]$ ($[p'н^eб́ы]$ — от *рыбой*.) При этом звуковые виды этих словоформ (именно звуковые виды, т. е. звучания, а не фонемный состав), при тождестве гласных фонем, различаются только фонемами $/p/$ и $/p'/$: $/p \wedge б́ы/$ — $/p'а́б́ы/$ (с. 13—14). На самом деле, как показывает фонетическая запись, их звучания отличаются и согласными звуками $[p]$ и $[p']$ и гласными $[\wedge]$ и $[п^e]$. Получается, что автор, вопреки традиции, связывает квазиомонимию лишь с фонемным составом и игнорирует очевидные различия звукового состава словоформ (см. об этом при анализе третьей главы).

Один из конститутивных признаков слабых фонем $/a/$ и $/a_1/$ — подъем — установлен произвольно. Варианты фонемы $/a/$ (пелабиализованной, верхне-среднего подъема) выступают высокие гласные $[и^e]$ и $[ы^e]$ и гласный $[\wedge]$, квалифицируемый в [2, с. 26] как гласный средне-нижнего подъема. Ясно, что верхне-средний подъем $/a/$ не может быть выведен из характеристик подъема этих трех вариантов. Фонема $/a_1/$ (пелабиализованная, средне-нижнего подъема) имеет вариантами гласные среднего подъема $[ь]$ и средне-верхнего подъема $[ы]$ [1, с. 117—118], что опять же не дает оснований для приписывания фонеме $/a_1/$ признака средне-нижнего подъема. Реально различием $/a/$ и $/a_1/$ служит лишь степень редукции —

1-я для /α/ и 2-я для /α₁/. Проблема же их признаковой структуры остается неразрешенной¹.

Вообще С. Н. Дмитренко исходит из упрощенной системы вокализма. Так, неполная сводная табл. 3 (с. 25), где не учтено, например, типичное для современного произношения безударное [ы] в абсолютном начале ([ы]тáж) — факт, говорящий в пользу фонематичности /ы/ [3, с. 54]. Отсутствует в ней и безударное о, которое, в качестве сильной фонемы /о/, появляется в табл. 5 при рассмотрении комбинаторики гласных. Думается, что автор недооценивает факт свободного появления безударного [о] в энклитиках и проклитиках в пределах фонетического слова (типа *видит он*), где оно находится в сильных позициях. Вопреки все более распространенной точке зрения на господство в современном литературном произношении *ыканья* и *ыканья* [3—5] автор отстаивает *эканье*: /т'α₁/мáтика, /ц'α₁/п'янб'й, /д'α₁/ п'утáт, /к'α₁/р'ос'и (с. 45), /ф'α₁/в'ер'áль, /т'α₁/-с'нота (с. 51), /р'α₁/к'орд'с'мен (с. 52) и т. п.² Что касается полноценного безударного [э] (в таких, например, словах, как *экстравагантный, анданте, каноз* и др.), то оно для адекватной передачи нуждается в дополнительных транскрипционных знаках. Записи типа /αα/р'áрий (*аз'áрий*), /αα₁/р'одр'б'м, кáц/б'е/, пáнт/áб'и (*пáнтон*), *меж/αα₁/м'ок* (*меж'еу'м'ок*) и т. п. (с. 40—41), помимо разнобоя в обозначениях (ср. /е/ в *каноз*), подтверждают, что /α/ и /α₁/ передают звучания, не соответствующие набору их признаков.

Система согласных характеризуется отношениями субординации. Одноименные фонемы типа /п/ (сильная), /п₁/, /п₂/, /п₃/ (слабые), будучи в дополнительной дистрибуции, не противостоят друг другу: в русском языке нет двух слов, различающихся, скажем, лишь фонемами /п/ и /п₁/. Их неравноправие (см. также выше о слабых фонемах как модифика-

циях сильных) выявляет в них отношение фонемы и варианта (в терминах МФШ) или членов фонемного ряда (в терминах Р. И. Аванесова)³.

Фонологическая концепция С. Н. Дмитренко глубоко оригинальна, но вряд ли убедительна. Она основывается на дофонемном рассмотрении звука (в [2] фонетика предшествует фонологии), которое необходимо ведет к смещению в той или иной степени звука и фонемы, находящему наиболее полное проявление в настоящих утверждениях автора, что звуки (не фонемы!) способны изменяться, превращаясь в другие звуки [2, с. 24—29]: ударные гласные имеют по шесть позиционных разновидностей; [о] может произноситься в безударном положении как [а] или [э]; звонкие шумные в конце оглушаются и пр. В общем «...звук речи... в речевом потоке... тесно связаны друг с другом и изменяются (разрядка наша. — Б. Л.) в зависимости от качества соседних... звуков, а также в зависимости от места ударения» [2, с. 24]. В действительности звук не может изменяться, не переставая быть самим собою. Способностью модифицироваться, иметь варианты обладают лишь фонемы.

Во второй главе «Сочетаемость фонем в русском языке» (с. 36—118) рассматриваются основные типы сочетаний фонем. Обзор литературы по теме сводится к перечислению около 20 работ. Кардинальное для всей проблемы понятие «сочетание фонем» не определяется. Три раздела главы построены логично. В каждом намечается классификация внутри данного типа сочетаний по характеру 1-го члена; даются списки словоформ, содержащие сочетания данного типа («иллюстративные» списки); приводятся таблицы № 5—19, регистрирующие наличие/отсутствие того или иного конкретного сочетания; сочетания группируются по отношению к морфемной структуре словоформы («морфологические» списки). К этой главе содержательно относятся и указатель фонемных сочетаний — (с. 202—216) (в дальнейшем — Указатель). Принцип рассмотрения сочетаемости фонем — установка на выявление возможных и невозможных типов сочетаний, проекция их на морфемную структуру словоформ, а также группировки внутри отдельных типов сочетаний, —

¹ В системе Р. И. Аванесова все пять слабых гласных фонем /α, α₁, α₂, э, е/ имеют одни и те же признаки (неабализованные, неверхнего подъема), не противоречащие артикуляторным свойствам их вариантов [1, с. 133].

² В третьей главе, однако, нередко необычные *эканские* обозначения, в которых трудно усмотреть какую-нибудь закономерность: с одной стороны, /с'α₁/-д'эть (*седеть*) — /с'и/д'эть (с. 133), с другой стороны, /м'α₁/т'рб — /с'α₁/т'рб (с. 169), /с'α₁/áбн — /б'α₁/áбн (*бизон*) (с. 173), /м'α₁/р'бж — /в'α₁/р'áж (с. 168), /ж'α₁/л'эт (*жилет*) — /б'α₁/л'эт (*билет*) (с. 161), /т'α₁/п'ýн (*типун*) — /з'α₁/п'ýн (с. 150), /с'α₁/з'áрка (*сигарка*) — /ц'α₁/з'áрка (*цигарка*) (с. 175).

³ С. Н. Дмитренко не учла уточнения, внесенного Р. И. Аванесовым в систему согласных — значка /с₄/ для случаев типа /с₄пнт₂/, /с₄жеч/ [6]. (Индекс 4 указывает на неразличение целевых по признаку «зубности» и «незубности».) У нее, таким образом, значок /с₃/ в /с₃шит₂/ и /с₃пáлит₂/ имеет разное фонемное содержание.

все это не вызывает возражений. Однако в реализации намеченной программы имеются неточности.

Сочетания фонем того или иного типа, воспроизводимые в книге по 4—5 раз, всякий раз численно не совпадают. Вот, например, данные по двучленным консонантным сочетаниям (с. 57—81): табл. 9 (1-й член — сильная фонема) — 253 сочетания, иллюстративный список (с. 58—62) — 248, морфологический список (с. 71—74) — 177; табл. 10 (1-й член — фонема, слабая по твердости—мягкости) — 246 сочетаний, иллюстративный список (с. 63—67) — 249, морфологический список (с. 74—77) — 192; табл. 11 (1-й член — фонема, слабая по звонкости—глухости) — 54 сочетания, иллюстративный список (с. 67—68) — 53, морфологический список (с. 77—78) — 38; табл. 12 (1-й член — фонема, слабая по обоим коррелятивным признакам) — 123 сочетания, иллюстративный список (с. 69—70) — 125, морфологический список — 85. Всего в четырех таблицах 676 сочетаний, в иллюстративных списках — 675, в морфологических — 492. В Указателе приводится 525 сочетаний этого типа. Морфологически охарактеризованными оказываются лишь немногим более 70% сочетаний, несмотря на заверение автора, что «все сочетания рассмотрены в их отношении к морфемной структуре словоформ» (с. 200). Количественный аспект описания вообще нельзя признать удовлетворительным: нет нумерации внутри списков и в Указателе (мы насчитали в нем 1436 сочетаний, причем /п₂к/ на с. 209 записано дважды). Все таблицы, списки и Указатель не согласованы друг с другом и в этом смысле каждый по-своему неверны, причем неточности исчисляются десятками единиц, т. е. сочетаний. Приведем примеры. Из табл. 5 отсутствуют в Указателе /уи/, /не/, /уе/, /уа₁/ (с. 203). В иллюстративном списке к табл. 7 (с. 44—45) отсутствуют /ги/, /хи/, /је/, /не/, /не', /ре/, /р'е/, /ја/, в морфологическом списке (с. 45—53) нет 18 совсем других сочетаний. В табл. 9 можно внести /н'б₁/, /јг₁/, /нт₂/, /мт₂/, /рб₁/, /н'г₁/, /нш₂/; в морфологическом списке к таблице и в Указателе нет 58 сочетаний. В табл. 10 есть сочетания /б₁в₁/, /в₁в₁/, /з₁в₁/, /к₁в₁/, /г₁в₁/, о которых сказано (с. 62), что они не зафиксированы в словоформах русского языка; сочетания /х₁г₁/, /д₁г₁/, /б₁г₁/, /ф₁г₁/, /к₁г₁/ обозначены как не встречающиеся в словоформах, хотя все они есть в иллюстративном списке (с. 63—65); сочетания /м₁г₁/, /м₁х₁/, /н₁г₁/, /р₁ж₁/, /м₁ж₁/ в таблице не попали. В табл. 11 можно включить /ш₂б₁/, /с₂к₁/, /ш₂д₁/, а в табл. 12 — /г₃ф₁/, /п₃в₁/, /п₃в₁/, /ф₃к₁/, /ф₃к₁/, /с₃г₁/, /с₃г₁/'. Из последней в морфоло-

гический список и в Указатель могли бы быть внесены более 40 сочетаний. Характер описания трех- и четырехсогласных сочетаний остается, в общем, таким же. Однако при сопоставлении сочетаний, зафиксированных в словоформах русского языка, и не зафиксированных, но теоретически возможных, допускаемых автором, большинство последних (например /*к₃с₃к'/ на с. 99) трудно даже вообразить себе как-то звучащими, т. е. реализованными. С другой стороны, /р₁х₁п₁р'/ неправомерно считается незафиксированным (с. 112) (ср. *сверзпрохный*). На с. 113 допущена путаница: сочетания из столбца 1, начиная с нт₁р₁р'/ и кончая /нт₁г₁/, должны по своей структуре относиться к предыдущему параграфу (где и зафиксировано большинство из них).

Как уже отмечалось, в монографии определения понятия «сочетание фонем» нет, однако в ней различаются сочетания фонем и последовательности фонем, не образующие сочетаний, например, /нó/ (с. 47) и /л' нó/ (ср. *больной*). Последнее вообще не упоминается без всяких объяснений. Очень узко понимает автор сочетания «гласная + согласная» (с. 53—56): они усматриваются лишь в слогах, начинающихся с гласной (с. 53), что вынуждает автора использовать весьма необычные примеры типа /ól'/, /ýl'/, /íj/., /éł/., /é't₂/ (от *Оля, Уля, Ия, Элла, Эоя*), /áс₂' (ась?), /óр/., /éф₂' (от *Ив*), /йф₂' (от *Ие*) и т. п. (с. 54—55) и считать возможными, но не зафиксированными 35 сочетаний: /ур/., /óп/., /áц/., /óч/ и др. (с. 54). Очевидно, наличие словоформ т'úr/., б'оц'ман., п'áц'., /бóч'ный и пр. не служит доводом в пользу реальности указанных сочетаний. Видимо, /úr/ в *тур* является просто последовательностью фонем, не создающих сочетания. Однако сколько таких последовательностей в русском языке, каковы их типы и на каких основаниях они выделяются, — об этом в монографии не сказано ни слова.

При описании отнесенности сочетаний фонем к морфемной структуре словоформы автор устанавливает ряд позиций типа «в качестве флексии», «стык префикса и корня» (с. 202). В подавляющем большинстве, естественно, принимаются правильные морфемные решения, но некоторые неточности все же вкрались: н'/é_α1/туда (с. 41 — стык префикса с корнем)⁴, смут/já./и (с. 47 — стык корня с суффиксом), прови/áн'та (с. 56 — конец корня), рá./в'á₁нство (с. 52 — стык корня с суффиксом), роскó/шн'ый (с. 71 —

⁴ В скобках приводится решение С. Н. Дмитренко.

конец корня), *ко/з,л'/йный, ко/з,л'/ы* (с. 74, 75 — конец корня), *ле/йтм/отий, во/л'т,м'/ётр, га/н,т,з/б/оа* (с. 103—104 — внутри корня), *ни/с,к,л'/й* (с. 106 — конец корня). Имеются и спорные случаи членения, связанные с тем, что автор часто ориентируется не на морфемную, а на словообразовательную структуру (ср. идущую от А. И. Смирницкого идею несовпадения морфемной членимости и словообразовательной мотивированности). В нижеследующих примерах автором во всех случаях постулируется внутрикорневая позиция сочетания: *мо/н'о,кль, крако/в'а/к* (с. 47), *ча/йх/ана, ко/н'к'/й* (с. 72), *буто/н,й/ёрка, сви/н,й/я, бли/з,н'/еуы* (с. 76), *п,я/т,з/к/а, ск,л/с,к'/и* (с. 78), *ф,з,с/йе (асуе), ф,з,з/ёр* (с. 79), *ро,м,ш,т/экс, шве/р,т,з/б/от* (с. 104), *би/ф,ш,т,э/кс, фла/к,з,ш,т/бк* (с. 106). Требуются дополнения и уточнения в установлении функции того или иного сочетания по отношению к морфеме, например: */д'о/, /дс,1/* (с. 48, 203) как приставки в */д'о/пуск, /дс,1/ бежать*; */на/, /на,1/ и /на,1/* (с. 50—52) как части приставки *над-*: */на'/дпись, /на,1/ дписан, /на,1/ дпишу*; не обозначен постфикс *-ся* (с. 49, 203): *поднял/с'а/, взъял/с'а,1/*; не указано, что */л'й/ и /йв/* (с. 48, 54) входят в состав суффикса *лйв-*: *сует/л'йв/ый*.

Третья глава книги (с. 119—199) посвящена функциональной нагрузке фонем в фонологических оппозициях. В теоретическом отделе справедливо отмечено, что свойство фонемы быть смысло-различителем имеет относительный характер: будучи обязательным для фонемы, оно не является обязательным для каждой фонемы в каждой конкретной оппозиции (с. 121). Кратко рассматривается история вопроса о функциональной нагрузке фонем (с. 121—126). Последняя выводится из отношения числа оппозиций в одной-двух парах словоформ (или совсем не представленных в словоформах) к числу оппозиций, представленных более чем двумя парами словоформ. В зависимости от этого различаются функционально нагруженные и ослабленные фонемы, причем функциональная ослабленность фонем не влияет на их фонематичность и на фонологическую систему в целом (с. 127). Однако откуда взяты числа 1—2 (пары), неясно. Почему не 2—3 пары или не 3—4? Эта неопределенность колеблет авторитет процедуры дифференциации фонем по их функциональной нагрузке.

Описательный раздел третьей главы (с. 127—199) состоит из списков квазиомонимов и семи таблиц, отражающих состав оппозиций для каждой фонемы. Таблицы, снабженные скромными пояснениями, в большинстве своем содержат мелкие числовые погрешности. Функцио-

нальная нагрузка гласных (с. 127—133) рассматривается отдельно для сильных и слабых фонем; однако */а/* и */а,1/*, будучи в дополнительной дистрибуции, вступают в оппозиции с сильными фонемами */у/, /у,1/*: *б /а,1/ гор — б /у,1/ гор*. Согласные образуют четыре замкнутые системы оппозиций — сильные фонемы (с. 134—183) и три типа слабых (с. 183—199), известных по описанию сочетаемости. При этом оппозиции «сильная (согласная) фонема — слабая фонема» почему-то выпали из рассмотрения, хотя в русском языке много пар типа *гү /л/ — гү /с,2'/, дб /м/ — дб /к,2/* и т. п., представляющих именно этот вид оппозиций.

В списках квазиомонимов, к сожалению, имеются неточные типа */та/ нуть — /т'а/ нуть* (с. 157), *вд /т'а,1/ (вате) — тд /т'а,1/ (татя) — с. 145* и мн. др., различающиеся одной фонемой, но двумя звуками (см. выше анализ слов */рабй/ — /р'абй/*). При более адекватной фонетической записи (например: [тА] нуть — [т'и] нуть, вА [т'и] — тд [т'æ]) усматривать квазиомонимии нет оснований: */та/ нуть — /т'и/нуть, вд/т'и/ — тд/т'а,1/*.

Естественное желание как можно шире представить фонемную сочетаемость и особенно функциональную нагрузку фонем побудило автора прибегнуть к использованию, помимо «обычных» слов, весьма разнородного лексического материала: просторечия (*фйра, хйря, халда — с. 139, 143, 145*); разговорных неологизмов (*неуялба, кадресса, гребчйла — с. 41, 50, 79*); диалектизмов (*нудьгб, сйкма — с. 67, 76*); специальной лексики (*рефйж, вйшгерд, контрвалационная линия, гонт — с. 42, 77, 111, 157*); топонимов (*Саслк, Тба — с. 46, 77*); антропонимов (*Холфина, Пфальц, Ксут, Тхиёу — с. 72, 78, 79, 80*); усеченных имен (*Филь, Вик, Толь, Юр, Нюр, Фок, Вальк, Верк, Эльз — с. 141, 143, 144, 145, 182, 194*); заимствований (*кешью, кьят — с. 71, 74*); слов, не зафиксированных в словарях (*безвляжный, обкричатсья, подкайкнуть, шиг, колотьба — с. 94, 98, 160, 163*); необычных или даже неправильных форм (*пйня, дядь, башбк, дбшка — с. 76, 140, 143, 146*); аббревиатур (*ХИМ, ЦИЛ, ЦИМ, ЦИС, ЗИВ, ЗИФ, ЦИП, ЦИТ — с. 176*); неопределенных без пояснений слов (*хедйв, кекуб, эды — с. 45, 54, 56*) и мн. др. К сожалению, автор не указывает источников, откуда черпался материал, кроме явно недостаточных «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (М., 1972) и «Орфографического словаря» (М., 1956), и не всегда сопровождает слова пометами (например, *фря — с. 66*). В итоге знакомство с оппозициями типа *Кйца — цйца* (с. 162), *Гог — шок, Гак — бяк* (с. 165), *Хандй — ца-*

ной (с. 166), мать — дядь (с. 167), роз — ЦОС (с. 170), Лябка — щипка, Лялька — килька (с. 172) невольно порождает сомнение в полезности подобной презентации функциональной нагрузки фонем.

Монография С. Н. Дмитренко, воплощающая громадный труд автора, интересна своим материалом и методами исследования. Хотя работа не свободна от серьезных недочетов как в области теории, так и в описании материала, внимательный читатель из знакомства с нею сможет извлечь для себя определенную пользу.

Буланян Л. Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
2. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
3. Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976.
4. Павлов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
5. Пирогова Н. К. Вокализм современного русского литературного языка (синтагматика и парадигматика). М., 1980.
6. Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 50.

Монгольский лингвистический сборник/Сост. Тодаева Б. Х. М.: Наука, 1985. 156 с.

Сборник представляет первый опыт совместной советско-монгольской публикации в области языковедения. Он включает статьи, посвященные различным проблемам фонетики, истории, морфологии, лексики монгольских и некоторых тюркских языков.

Разнообразные по тематике статьи сборника позволяют читателю ознакомиться с общим уровнем и актуальной проблематикой монгольского языковедения.

В центре внимания многих авторов стоят проблемы истории монгольских языков. Особенно это касается реконструкции общемонгольского состояния и установления характера языковых контактов.

Не менее важными являются проблемы современного состояния монгольских языков. Две статьи сборника, удачно дополняющие друг друга, посвящены вопросам фонетики. Акад. АН МНР Ш. Лувсанвадан рассматривает фонемную структуру монгольского языка, отмечая случаи взаимовлияния фонем, их варианты, а также закономерности сочетания различных фонем («Фонемная структура современного монгольского языка»). Фонологический анализ приводит автора к важной мысли о том, что «вариант одной фонемы в определенной позиции может произноситься одинаково с вариантом другой, но он не превращается в другую фонему. Это доказывает, что позиция фонем играет большую роль, чем звуковые различия. Варианты фонемы *g* — [g], [x] — по своему звучанию противопоставляются друг другу как звонкий смычный — глухой щелевой» (с. 66). В статье И. Д. Бураева «Пози-

ционное употребление согласных в бурятском языке и особенности их сочетаемости между собой» обобщаются факты, полученные в результате машинной обработки словарного состава двух наиболее полных словарей бурятского языка. Автор делает важный вывод о том, что позиционная закрепленность согласных в монгольских языках является наиболее существенным и устойчивым признаком их фонетического строя (с. 20).

В ряде статей обсуждаются вопросы монгольского словообразования. Статья Л. Болда «О некоторых деривационных суффиксах в уйгуро-уряньхайском языке» представляет особый интерес в первую очередь для тюркологов, поскольку работ по уйгуро-уряньхайскому языку практически нет (за исключением кандидатской диссертации того же автора «Особенности уйгуро-уряньхайского языка». Улан-Батор, 1978). В ней отмечается ряд именных и глагольных формантов, встречающихся в монгольских, в уйгуро-уряньхайском и некоторых других тюркских языках Сибири, приводятся данные по числительным, местоимениям, наречиям. В статье Ж. Сэржээ «Морфологическая структура монгольских личных имен» сделана попытка рассмотреть антропонимы в историко-морфологическом плане (с. 115). Примечательно, что имена тибетского и санскритского происхождения не оформляются монгольскими суффиксами, в то время как собственно монгольские личные имена могут быть образованы присоединением различных суффиксов к одной и той же основе.

Г. Ц. Пюрбеев в статье «Об одном типе синонимов в современной монгольской